

Корбюзье Ле
(архитектор)

11.04.06

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Архитектора вогнали в краску

«Ле Корбюзье, или Синтез искусств»

В Женевском музее Rath

Кабинет № 2. - 2006. - 11 шт. - с. 21.

В Женевском музее Rath до 6 августа открыта выставка **Ле Корбюзье «Ле Корбюзье, или Синтез искусств»**. Благодарная Швейцария организовала ее в память о своем блудном сыне, ставшем самым знаменитым французским архитектором, да и просто самым знаменитым архитектором XX века. Лучше бы она этого не делала, считает **АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ**.

Ле Корбюзье для Швейцарии — вечная гордость и живой упрек. Провинциал из Шо-де-Фона был вынужден уехать в Париж, чтобы вернуться уже французской знаменитостью. Зато он удостоился высшего почета, которого только может удостоиться швейцарец, — его напечатали на деньгах.

Нет другого архитектора, который так повлиял бы на искусство начала XX века. Не только потому, что он строил дома — как раз в годы наивысшего своего влияния на умы он строил не так уж много. В основном роскошные виллы для богатых друзей, бесконечно рассуждая при этом о социальном долге архитектора и предлагая Европе соблазнительную альтернативу «Архитектура или революция». «Спасибо, не надо. Ни того ни другого», — отвечали сначала благодарные слушатели, но потом прониклись духом современности — Esprit Nouveau.

Ле Корбюзье был не просто архитектором и не просто художником, а заводом идей, умевшим не только предъявить проект, но и внятно объяснить, почему он лучший из всех возможных. В то время его считали талантливым журналистом, потому что должности PR-агента тогда не предполагалось. Среди средств пропаганды кроме статей и книг, бесконечных лекций, путешествий по миру в каюте пакетбота или на борту дирижабля важное место занимала живопись: «Меня не хотят признавать в качестве художника, но именно через живопись я пришел в архитектуру».

И вот теперь, сорок лет спустя после его смерти, Фонд Ле Корбюзье, чахнувший над златом его вещей, решил представить мастера буквально в ярких красках, показав Корбюзье-живописца, Корбюзье-скульптора. Сначала юношеские работы, сделанные каким-то совершенно не подающим надежды молодым дарованием, потом классические вещи эпохи придуманного вместе с Амедео Озанфаном пуризма, скульптуру, сделанную вместе с Жозефом Савиной, гобелены, макеты — все, что угодно, кроме архитектуры.

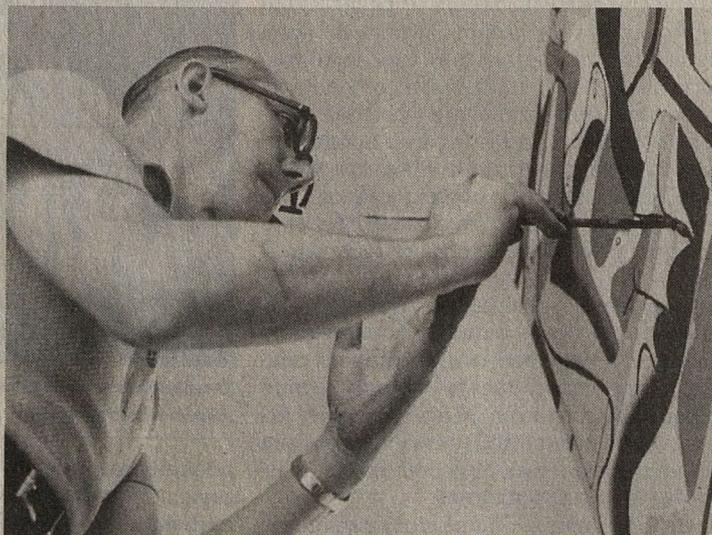
Начинается с пейзажа «Порт в Ла-Рошели», цвета которого свидетельствуют, что при старании из молодого господина Jeanneret (именно так, собственной фамилией, а не псевдонимом Le Corbusier подписа-

ны первые вещи) мог бы развиться Сарьян или Кузнецов. Потом мы обнаруживаем в его наследии всю историю художников, работавших в Париже. Даже если не знать биографии и круга знакомств, совершенно очевидно, что мастер очень уважал Пикассо, Брак был ему тоже не чужим, а уж Фернан Леже и вовсе стал неисчерпаемым кладезем не только вдохновения, но и готовых образов.

Вот в витрине показаны вещицы из его ателье, как будто бы по случайности взятые с полок мастерской, но ставшие персонажами его полотен: бутылки разных форм и степеней прозрачности, бокалы, сифоны для газированной воды. Раковины, панцири, высохшие морские звезды — он смертельно любил море с нежностью человека, выросшего в горной долине. Явно меньше он любил женщин. Женские тела появляются на холстах не скоро, и это не какие-нибудь соблазнительные киски ван Донгена, а монументальные, восседающие на холсте рыбки из Аркашона — наполовину авиньонские купальщицы Пикассо, наполовину Сарагины Феллини. Даже портрет жены Ивонны почти дилетантский: кажется, что она сама поработала над портретом, пририсовав красные губы и длинные ресницы. Кстати, возможно. Это была женщина с характером, лучше Ле Корбюзье знавшая, в чем его сила.

Первый вывод, который можно сделать, — нет, не великий живописец. Это соответствует нынешнему взгляду на Ле Корбюзье — позер, человек-оркестр, мастер словесных фейерверков, умевший использовать творчество своих современников на пользу своей теории.

Действительно, когда он писал на холсте, он добивался признания среди музейщиков и галеристов, которым потом очень гордился. Но был ли у него выбор? В известном смысле он был обязан отвечать за всех. Надо было что-то вешать на стены выставочных павильонов, представлявших его архитектурные пространства, — не академическую же живопись. «Нет произведения искусства вне системы», — утверждал он в 1920-м. Новая архитектура требовала синтеза искусств, но была отнюдь не желанной системой, а робкими попытками отдельных сумасшедших. И эти сумасшедшие должны были сами делать все для каждого объекта — от полки на стене и душа в ванной до скульптуры перед входом. Конечно, непривычно видеть великого архитектора вне пространства, вне материала, вне формы. Выставка способна разочаровать, если не подойти к ней от обратного. Не позер, не человек-оркестр, не мастер словесных фейерверков, раз его славе не помешала даже такая живопись.

В 1937 году Ле Корбюзье позирует перед своим холстом, хотя мог бы сниматься перед своими домами. ФОТО PAUL ALMASY, 2006 PROLITTERIS, ZURICH/FLC

62